

Нравственные основания учения Чезаре Беккариа о преступлениях и наказаниях

Аннотация. Статья посвящена нравственному аспекту уголовно-правовой доктрины выдающегося итальянского мыслителя, публициста, правоведа и общественного деятеля Чезаре Беккариа. Исследуя предысторию происхождения нравственных оснований права, автор обращается к самым истокам, так называемым мононормам, которые имели синкретичный характер и сочетали в себе нравственные, религиозные, правовые и иные охранительно-регулятивные начала. Процессы разделения труда и усложнение форм общественной жизни обусловили отделение нравственного регулирования, основанного на традиции, от собственно правового инструментария. В контексте воззрений западных и отечественных мыслителей исследуется ряд доктринальных подходов к определению соотношения нравственности и права, в результате чего делается вывод о том, что эти социальные регуляторы следует рассматривать в тесной взаимосвязи, так как они имеют общие корни, выполняют однопорядковые функции и в каждом конкретном случае регулируют поведение конкретного индивида. В рамках политико-правовых взглядов Чезаре Беккариа исследуются общие вопросы происхождения наказаний, их соразмерности с противоправными деяниями, незамедлительности применения наказания, цель наказаний, а также основания их назначения. Отдельно рассматривается нравственный аспект таких видов наказаний, как денежный штраф, бесчестье, изгнание и конфискация, смертная казнь, а также выявляются гуманистические начала таких мер пресечения, как пытка и взятие под стражу. В контексте учения Чезаре Беккариа о преступлениях исследуется признак вреда, который преступник причиняет нации, как основание квалификации того или иного деяния в качестве преступления. Важное место отводится градации преступлений на посягательства против общественного интереса и посягательства против личных и имущественных благ частных лиц. В контексте посягательств против публичных интересов исследуются преступления против общественного спокойствия и контрабанда. В рамках преступлений против интересов частных лиц анализируются поединки, а также нравственный аспект установления юридической ответственности за самоубийство. В заключение рассматривается отношение Чезаре Беккариа к вопросу предупреждения преступлений.

Ключевые слова: мононормы; нравственность; право; преступления; наказания; законы; смертная казнь; пытки; взятие под стражу; общественное спокойствие; контрабанда; поединки; самоубийство; предупреждение преступлений.

Для цитирования: Егоров А. А. Нравственные основания учения Чезаре Беккариа о преступлениях и наказаниях // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73. — № 3. — С. 90—104. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.090-104.

© Егоров А. А., 2020

* *Егоров Александр Александрович*, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

egorov.a90@mail.ru

Moral Foundations of Cesare Beccaria's Doctrine on Crimes and Punishments

Aleksander A. Egorov, Cand. Sci. (Law), Lecturer of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
egorov.a90@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the moral aspect of the criminal law doctrine created by the outstanding Italian thinker, publicist, jurist and public figure Cesare Beccaria. Investigating the background of the origin of the moral foundations of law, the author turns to the very origins, the so-called mononorms, which had a syncretic character and combined moral, religious, legal and other protective and regulatory principles. The processes of labor division and the complexity of forms of social life led to the separation of moral regulation based on tradition from the actual legal tools. In the context of the views of Western and domestic thinkers, a number of doctrinal approaches to determining the relationship between morality and law are studied, resulting in the conclusion that these social regulators should be considered in close relationship, since they have common roots, perform one-order functions and in each case regulate the behavior of a particular individual. The general questions of the origin of punishments, their proportionality with illegal acts, the urgency of the application of punishment, the purpose of punishments, as well as the reasons for their appointment are examined within the framework of political and legal views of Cesare Beccaria. The moral aspect of punishments such as monetary fines, dishonor, banishment and confiscation, and the death penalty are considered separately, and the humanistic principles of preventive measures such as torture and detention are revealed. In the context of the doctrine of Cesare Beccaria on crimes, the author examines the features of harm that the criminal causes to the nation, as the basis for the classification of an act as a crime. The author focuses on the gradation of crimes into breach of public interest and encroachment on personal and material benefits of individuals. Crimes against public peace and smuggling are investigated in the context of breach of public interests. Within the framework of crimes against the interests of individuals, the author analyzes duels, as well as the moral aspect of establishing legal responsibility for suicide. In conclusion, the author considers the attitude of Cesare Beccaria to the issue of crime prevention.

Keywords: mononorms; morality; law; crimes; punishments; laws; death penalty; torture; detention; public order; smuggling; duels; suicide; crime prevention.

Cite as: Egorov AA. Nравstvennye osnovaniya ucheniya chezare bekkaria o prestupleniyakh i nakazaniyakh [Moral foundations of Cesare Beccaria's doctrine on crimes and punishments]. *Lex russica*. 2020;73(3):90-104. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.090-104. (In Russ., abstract in Eng.).

Развитие любого современного государства в восприятии ученого или иного здравомыслящего человека невозможно без наличия в нем объективно обусловленной, исторически возникшей и внутренне дифференцированной системы нормативного регулирования. Поступательные процессы усложнения общественных отношений, появление новых классов и слоев в обществе, постоянная борьба разнообразных политических и социальных сил вызвали к жизни различные социальные регуляторы, отличающиеся друг от друга сферой происхождения, длительностью исторического развития, степенью обязательности для исполнения и иными особенностями. Традиционно особое место в системе нормативного регулирования занимает право, которое как сложное общественное явление имеет множество измерений,

к числу которых можно отнести философское, конкретно-историческое, нормативное и др. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что нормы права имели и имеют прежде всего ценностную основу и, соответственно, нравственную составляющую, которая также является собой один из векторов восприятия и изучения этого грандиозного и неисчерпаемого для познания феномена общественной жизни.

Нравственность и право как социальные регуляторы возникают в разное время и по разным причинам. Самые древние из известных нам правил поведения, так называемые мононормы, представляли собой единые, нерасчлененные правила поведения, нашедшие свое олицетворение в системе запретительных, обязывающих и дозволительных правил поведения¹. Эти правила человеческого обще-

¹ См.: Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества : учебник для вузов по специальности «История». М., 1990. С. 204.

ния и совместной деятельности имели синкретичный характер и в строгом смысле слова не были сугубо правовыми. Рассмотрение их сквозь призму современного, развитого, внутренне дифференцированного общественного сознания позволяет обнаружить нравственные, религиозные, правовые и иные регулятивно-охранительные начала. Их возникновение было объективно обусловлено общественно-трудовой практикой первобытной общины, а сами они были вписаны в повседневную жизнь, осознавались в их непосредственной данности и действовали с самоочевидностью естественных процессов. Поступательные процессы социального и технического развития, разделения труда, постепенного перехода от кровных и родо-племенных форм организации к государственно-территориальным предопределили начало дифференциации форм регуляции. Выражаясь современным языком, сформировался единый нравственно-правовой регулятивный комплекс, в рамках которого в дальнейшем происходило отделение собственно правового инструментария, закрепленного в законодательстве, от нравственного регулирования, основанного на традиции. В свою очередь, выделившиеся юридические нормы опирались на сложившийся пласт общественной жизни, т.е. определенный социально-нравственный порядок.

Следует отметить, что хотя нравственность в ряде случаев дополняет право, но сама она не может рассматриваться как дополнение к общеобязательным правилам поведения. В подобных случаях речь должна идти о первооснове права или о его руководящем начале, которое служит базисом для правотворчества, применения права, а также существенным образом отражается в правовой доктрине.

Первичность нравственности по отношению к праву существует уже на подсознательном уровне индивида. Так, А. Мушников полагал, что человеческому разуму от природы присущи определенные представления о добре и зле, на основании которых он оценивает как поведение окружающих, так и свои поступки.

Эти представления определяются наличием врожденного нравственного чувства, которое направляет человека к добру и удерживает его от зла². Вместе с тем временные рамки возникновения этих социальных регуляторов отнюдь не проводят некую непреодолимую границу между ними, так как их взаимосвязь никогда не вызывала сомнений. «Право представляет собой тот объективный идеал человеческой жизни, который вырабатывается обществом в течение всей его истории и в связи с субъективными нравственными идеалами человека. Право определяет те условия общественной жизни, которые оказываются необходимыми для осуществления нравственных идеалов человека», — справедливо полагал В. Щеглов³.

Весь ход мировой истории свидетельствует о том, что актуализация вопроса о соотношении нравственности и права особенно четко прослеживается в переломные периоды развития общества и государства: переход к рыночной экономике, трансформация политической системы, усложнение международной обстановки серьезно изменяют представления нашего общества о таких непреходящих ценностях цивилизации, как свобода, равенство, справедливость. В таких условиях изучение вопроса взаимоотношений нравственности и права приобретает особую важность и настоятельно требует междисциплинарных подходов. Основополагающую роль в этом процессе должна играть юридическая наука.

В. М. Артемов, проводя аналогию с философией, в качестве основного вопроса всего правового поля рассматривает проблему соотношения нравственности и права⁴. Таким образом, не вызывает сомнений как сама актуальность постановки исследуемой проблемы, так и необходимость накопления, обобщения и систематизации соответствующих наработок.

Применительно к вопросу о соотношении нравственности и права существует множество доктринальных подходов. Проводя недвусмысленную параллель с позицией А. Н. Шитова⁵, который справедливо полагал, что моральные основания права — это слишком необъятная

² *Мушников А.* Основные понятия о нравственности, праве и общежитии. Курс законоведения для кадетских корпусов. Изд. 2-е, испр. СПб., 1894. С. 11.

³ *Щеглов В.* Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль, 1888. С. 96.

⁴ *Артемов В. М.* Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия в человеческом измерении // Нравственное измерение и человеческий потенциал права : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов. М., 2017. С. 17.

⁵ *Шитов А. Н.* Моральные основания права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 6, 10.

тема, которую нельзя уместить в рамки одного исследования, я также не претендую на сколько-нибудь подробный анализ вопроса о соотношении нравственности и права. Речь скорее идет о тезисной иллюстрации, которую следует воспринимать как необходимую прелюдию к основной теме исследования.

Следует отметить, что раскрытие диалектики нравственности и права, а также их взаимодействия относятся к числу сложнейших мировоззренческих проблем как в философском, так и в собственно юридическом знании. И вряд ли когда-нибудь будет найдено удовлетворительное решение этого вопроса, касающегося важнейших принципов функционирования социума. Каждый ученый (мыслитель) по-своему видит соотношение нравственности и права.

Немецкий юрист и философ Х. Томазий считал, что нравственные обязанности даются человеку в форме совета, соблюдение или несоблюдение которого полностью отдается на откуп индивида. Несоблюдение же юридических обязанностей влечет за собой наказание, так как нельзя предоставить на произвол каждого соблюдать или нет свои обязанности в отношении к другим⁶. В данном случае речь идет о выделении в поведении человека внешнего и внутреннего аспектов.

Внешний аспект охватывает собой совершаемые индивидом действия, которые строго фиксируются, оцениваются окружающими, законодательно регулируются и детерминированы самим обществом. Внутренний аспект действий индивида представляет собой их субъективную обоснованность и поддается главным образом саморегулированию, т.е. составляет сферу нравственности. В контексте такой схемы нравственность и право выступают как своеобразные оппозиции, связанные между собой через отрицание друг друга. Всякая попытка противопоставления этих социальных регуляторов неверна ввиду того, что нравственность и право имеют общие корни, выполняют ряд однопорядковых функций, а также в каждом конкретном случае имеют дело с поведением конкретного человека. Следовательно, пристального внимания заслуживают точки зрения, рассматривающие нравственность и право

как тесно связанные между собой, влияющие друг на друга, отражающиеся друг в друге, а в некоторых случаях и сталкивающиеся между собой формы человеческой мысли и деятельности.

Родоначальник классической немецкой философии И. Кант рассматривал нравственность как сферу законодательства вообще. Оно делится на «юридическое законодательство», для которого важно лишь само по себе соответствие поступка закону безотносительно к мотиву (поступки, характеризующиеся лишь внешним соответствием закону, называются легальными), и на «этическое законодательство», для которого необходимо, чтобы соответствующий закону поступок мотивировался идеей долга (поступки, обусловленные самим по себе уважением к закону, именуются моральными)⁷. Г. В. Ф. Гегель полагал, что правовое и моральное не могут существовать в отрыве друг от друга, так как они должны иметь своей основой нравственное начало⁸. По его мнению, праву недостает момента субъективности, а мораль имеет односторонний характер, так как обладает одной лишь субъективностью. Интересные подходы к соотношению нравственности и права предложили французские материалисты XVIII в.

К. Гельвеций отмечал, что недостатки в праве определяются наличием противоречий между ним и нравственностью. Более того, он напрямую связывал взаимодействие принципов нравственности и права со счастьем народов и их дальнейшим прогрессом⁹. П. Гольбах писал: «Так, народы, лишённые разумного управления, справедливых законов, полезных учреждений, правильного воспитания <...> стали религиозными и развратными. Была забыта природа человека, истинные интересы общества <...> естественно, что вместе с этим была забыта и мораль природы, основывающаяся на сущности общественного человека...»¹⁰. Как мы видим, исследователь также придает большое значение вопросу соотношения нравственности и права, вкладывая в его содержание великую идею правильного воспитания народов. Критика религии в данном случае объясняется тем, что французские материалисты XVIII в. абсолютизировали материю как единственную суб-

⁶ *Thomasius Ch.* Essays on Church, State, and Politics. Indianapolis : Liberty Fund, 2007. P. 102.

⁷ *Кант И.* Метафизика нравов // Сочинения : в 6 т. М., 1998. Т. 4 (2). С. 125—126.

⁸ *Гегель.* Сочинения. М. — Л., 1934. Т. 7. С. 177.

⁹ *Гельвеций К.* О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938. С. 357.

¹⁰ *Гольбах П.* Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940. С. 117.

станцию и полагали, что в этом случае в мире просто не остается места для сверхъестественных сил.

Существенный вклад в рассмотрение вопроса о соотношении нравственности и права внесли отечественные исследователи. Так, широко известна позиция основоположника русской философии всеединства В. С. Соловьева, понимавшего право как низший предел или определенный минимум нравственности. Мыслитель исходил из того, что «право есть исторически недвижимое определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов — личной свободы и общего блага»¹¹. По его мнению, несмотря на изменения в понимании справедливости, внутренняя обусловленность права нравственностью в любом случае непоколебима¹². С. А. Муромцев считал абсолютное разделение нравственности и права заблуждением, которое восходит еще к философии И. Г. Фихте¹³. П. И. Новгородцев рассуждал о взаимосвязи данных социальных регуляторов, полагая, что отсутствие правовых предписаний компенсируется велениями нравственности, в случае же, когда последняя не способна своим авторитетом сдерживать проявления эгоизма, на помощь ей приходит право со своим внешним принуждением¹⁴. Эта линия в отечественной науке продолжается по сей день.

Е. А. Лукашева отмечает невозможность отделить право от нравственности, от категорий свободы и справедливости, от самоценности личности¹⁵. М. И. Байтин акцентирует внимание на том, что в современном отечественном праве происходит процесс углубления нравственно-этических начал, что находит свое выражение в сближении права и морали, преодолении возникающих между ними противоречий¹⁶. В данном случае обобщающе звучит

позиция О. И. Цыбулевской: «Право, безусловно, должно соответствовать нравственным нормам, выражать глубинную идею о том, что государство призвано служить интересам общества и в конечном итоге личности. Попытки отлучения права от морали вызваны стремлением утвердить безраздельный авторитет государства, деятельность которого чаще всего не может рассматриваться в рамках этических категорий»¹⁷. Как мы видим, интерес ученых к исследованию нравственной составляющей права, а также их взаимосвязи поступательно развивался, выдержал проверку временем, аккумулировал в себе множество доктринальных позиций.

Представленные позиции по вопросу соотношения нравственности и права являют собой сугубо теоретические размышления, некие идеальные образы и в конечном счете сводятся к научным абстракциям, которые, несомненно, представляют собой необходимый этап в познании объективного мира. Современная повестка дня настоятельно требует исследований взаимосвязи и взаимовлияния этих форм человеческой практики с предметных позиций, например в контексте тех или иных правовых институтов. В данном случае следует обратиться к институтам преступления и наказания, так как именно определение перечня запрещенных деяний и установление конкретной меры ответственности за их совершение требует от законодателя не только наличия образовательного уровня и практической подготовки, но и высоких моральных качеств. А. А. Гусейнов обосновывал наличие у нравственности и права одного общего источника указанием на то, что первые величайшие законодатели были и величайшими моралистами¹⁸. В этом контексте заслуживает внимания концепция итальянского мыслителя, публициста, право-

¹¹ Соловьев В. С. *Оправдание Добра*. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1899. С. 465.

¹² Соловьев В. С. *Указ. соч.* С. 557.

¹³ Муромцев С. А. *Определение и основное разделение права*. М., 1989. С. 26.

¹⁴ Новгородцев П. И. *Право и нравственность* // *Правоведение*. 1995. № 6. С. 113.

¹⁵ Лукашева Е. А. *К вопросу о правопонимании* // *Основные концепции права и государства в современной России. Круглый стол* // *Государство и право*. 2003. № 5. С. 5.

¹⁶ Байтин М. И. *Сущность права: Современное нормативное правопонимание на грани двух веков*. Саратов, 2001. С. 62.

¹⁷ Цыбулевская О. И. *Нравственные основания современного российского права* / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 2004. С. 5.

¹⁸ Гусейнов А. А. *Мораль и право: характер связи* // *Нравственное измерение и человеческий потенциал права: сборник научных трудов* / отв. ред. В. М. Артемов. М., 2017. С. 10.

веда и общественного деятеля Чезаре Беккариа (1738—1794)¹⁹. Не вдаваясь в изучение биографических сведений, следует в целом охарактеризовать его мировоззренческую позицию.

По своим философским и уголовно-правовым воззрениям Ч. Беккариа был близок к английскому и французскому материализму, вместе с тем находясь под сильным влиянием естественно-правовой доктрины и теории общественного договора. Серьезное влияние на творчество Ч. Беккариа оказали Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Убежденность в отсутствии в Европе XVIII в. системы законодательства, которая могла бы стать основой справедливого правосудия, предопределила его резко отрицательное отношение к реалиям своего времени.

Сущность феодального правосудия проявлялась в формальной системе доказательств, жестокой и нелепой процедуре следствия и судебного разбирательства, несправедливой системе наказаний, ядром которой выступала смертная казнь. Вполне объяснима критика, которой Ч. Беккариа подверг средневековую юстицию, пытки и издевательства феодальной судебной системы, что не могло не вызвать ответные нападки²⁰. Прогрессивные преобразования он связывал не только с распространением принципов гуманизма, но и с освобождением уголовного права от влияния религиозной морали и отделения религиозной добродетели от человеческой. Как раз в этом контексте особую актуальность приобретает нравственная составляющая права в целом и его отдельных институтов в частности.

По справедливому замечанию Б. Ошеровича, уголовно-правовая доктрина Ч. Беккариа теснейшим образом связана с нравственной доктриной материалистов XVIII в. Он требовал, чтобы уголовные законы были сообразны с законами нравственности²¹. Все уголовно-правовые институты в своем трактате Ч. Беккариа строил на принципах нравственности. Это были поистине революционные требования нового восходящего класса, требования, направленные

против феодальных отношений, старой судебной системы и карательной политики феодализма.

Без сомнения, Ч. Беккариа относится к когорте корифеев политико-правовой мысли XVIII в. Вместе с тем его доктринальные воззрения до сих пор недостаточно изучены. Б. Ошерович отмечал, что долгое время творчество этого выдающегося исследователя излагалось общими трафаретами и банальными фразами без обращения к первоисточникам, рассматривалось лишь в контексте уголовно-правовых учений XVIII в. в целом, а в ряде случаев замалчивалось, а то и вовсе искажалось²². На сегодняшний день эта тенденция во многом сохранилась. По-прежнему нет специальных диссертационных или монографических исследований, а в научных статьях теоретико-правовые воззрения Ч. Беккариа освещаются недостаточно подробно и практически не уделяется внимания нравственным основаниям его доктрины. В данном случае необходимо сделать важную оговорку.

В истории науки (мысли) вклад ученого (мыслителя) в изучение определенной проблематики, развитие той или иной теории характеризуется и оценивается посредством соотношения предшествующего и последующего этапов развития науки. В этом смысле грубейшим нарушением принципа историзма следует признать попытки экстраполировать постулаты Ч. Беккариа на современное состояние юридической науки. В рамках настоящей статьи ключевые моменты теории Ч. Беккариа будут соотноситься с воззрениями его предшественников Д. Локка и Ш. Монтескье с одной стороны и с постулатами отечественных просветителей второй половины XVIII в. С. Е. Десницкого и А. Н. Радищева — с другой. Таким образом, будет использовано сопоставление его взглядов с постулатами классиков как западной, так и отечественной юридической науки.

Приступая к непосредственному осмыслению и анализу институтов преступления и на-

¹⁹ См. о нем: *Исаев М. М.* Чезаре Беккариа (историко-биографический очерк) // Проблемы социалистического права. 1938. № 3. С. 102—139; *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / биограф. очерк и пер. книги Беккариа «О преступлениях и наказаниях» проф. М. М. Исаева. М., 1939. С. 5—146; *Решетников Ф. М.* Беккариа. М., 1987. С. 5—53.

²⁰ См.: *Маньковский Б.* Чезаре Беккариа и наука уголовного права // Советское государство. 1938. № 4. С. 103—104.

²¹ *Ошерович Б.* Уголовно-правовые воззрения Беккариа // Проблемы социалистического права. 1938. Сб. 3. С. 86—87.

²² *Ошерович Б.* Чезаре Беккариа // Советское государство. 1938. № 4. С. 94.

казания в контексте политико-правовых воззрений Ч. Беккариа, следует акцентировать внимание на их взаимосвязи. По справедливому замечанию Ф. М. Решетникова, они трактуются не изолированно, а в тесной взаимосвязи, исходя из практических потребностей разработки новых принципов деятельности суда, Беккариа сосредоточил свое внимание главным образом на вопросах наказания²³. Тем не менее для удобства исследования между вопросами преступлений и наказаний следует провести демаркационную линию, которая, разумеется, весьма условна.

Раскрывая объективно обусловленный процесс происхождения наказаний, Ч. Беккариа прибегает к хорошо известной его предшественникам теории общественного договора как условию возникновения государства. Изначально люди были независимы и жили в одиночку. В дальнейшем, устав от постоянной войны и бесполезной свободы, они пожертвовали частью своей свободы и делегировали ее верховной власти, которая обеспечила обществу безопасность²⁴. Законы представляют собой условия объединения в общество до того независимых людей. Однако природа человека такова, что со временем он стремится не только вернуть делегированную личную свободу, но и присвоить себе свободу других лиц. Для предотвращения подобного развития событий верховная власть установила наказания, которые представляют собой чувственные побуждения, пресекающие деспотические устремления людей к ниспровержению законов общества и возвращения его к первобытному хаосу. Определив происхождение наказаний, мыслитель последовательно переходит к основаниям их практического применения.

Разделяя точку зрения Ш. Монтескье, Ч. Беккариа полагал, что право суверена карать за преступления должно быть продиктовано абсолютной необходимостью, которая обуславливается потребностью защищать общее благо от посягательств отдельных лиц²⁵. В противном случае применение наказания, равно как и в целом проявление власти человека над человеком, является тираническим.

Здесь просматривается и обратная закономерность: чем больше прав и свобод суверен закрепляет за населением, тем справедливее наказание. Таким образом, любое наказание может быть установлено лишь законом и ни один судья ни под каким предлогом не может повысить наказание, установленное в законе²⁶. Наказание, не преследующее целей общего блага, не может признаваться справедливым. Этот постулат по сей день представляет собой ценностный ориентир и может рассматриваться как минимальная мораль или как аналог общечеловеческой морали.

Важно отметить и собственно процессуальный аспект осуществления правосудия. Судьи не могут заниматься толкованием законов, так как это право принадлежит лишь законодателю. В процессе применения права судьи должны руководствоваться буквой закона²⁷. Дух закона, по справедливому замечанию Ч. Беккариа, в каждом конкретном случае зависит от хорошей или дурной логики судьи, от его страстей, отношения к подсудимому и от других субъективных моментов. Именно поэтому разные судьи выносят разные приговоры по схожим делам. Строгий формализм здесь вполне уместен, так как в противном случае судьба подсудимого фактически отдается на откуп правоприменителю, а это, как уже было отмечено, представляет собой тираническую власть человека над человеком.

Как нравственность, так и право требуют установления определенного соответствия между тяжестью содеянного и следующим за ним наказанием. Ч. Беккариа справедливо полагал, что общественная нравственность требует того, чтобы правонарушения и особенно опасные для общества преступления не совершались²⁸. Ввиду этого тяжесть наказания определяется важностью нарушенного блага, что образует соразмерность между преступлениями и наказаниями.

Уровень преступности растет соразмерно увеличению численности населения и расширению государственных границ, так как ослабляется национальное чувство и усиливается желание извлекать для себя выгоды из

²³ Решетников Ф. М. Указ. соч. С. 60.

²⁴ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 198.

²⁵ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 200.

²⁶ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 204.

²⁷ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 209—210.

²⁸ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 216.

общественной неустроенности. В этом смысле Ч. Беккариа называет наказания политическими препятствиями. Развивая постулат о соразмерности между преступлениями и наказаниями, мыслитель выстраивает иерархическую лестницу противоправных деяний.

Высшую ступень, по его мнению, составляют посягательства, которые разрушают непосредственно само общество, а низшую — самые незначительные нарушения прав частных лиц²⁹. Между этими крайними пределами в нисходящем порядке располагаются деяния от незначительных правонарушений до преступлений. Аналогичным образом должна существовать точная и всеобщая лестница наказаний. По справедливому убеждению Ч. Беккариа, действие, не включенное в указанную лестницу, не может считаться преступлением и облагаться наказанием³⁰. Именно неопределенность границ преступных деяний и следующих за ними наказаний порождает общественную нравственность, находящуюся в противоречии с законами.

Необходимо отметить, что вопросы соразмерности между совершенным деянием и следующим за ним наказанием, а также их иерархия нашли свое отражение в трудах отечественных просветителей второй половины XVIII в. Например, первый русский профессор права С. Е. Десницкий делил все противоправные деяния в зависимости от значимости нарушенного интереса на преступления, посягающие на порядок управления, и правонарушения против личности и имущества частных лиц³¹. При этом только первые должны влечь за собой применение тяжких наказаний. В свою очередь, А. Н. Радищев дифференцированно выстраивал иерархию правонарушений и наказаний в зависимости от непосредственного объекта преступного деяния: «жизнь и здоровье; честь и доброе имя; свобода; имение; спокойствие; мысль или мнение»³². Конкретная мера ответственности, по его мнению, должна

зависеть от непосредственного объекта и способ совершения правонарушения.

По мнению Ч. Беккариа единственным и истинным мерилем противоправных деяний являются не намерения правонарушителя, не достоинство потерпевшего и не тяжесть греха, а вред, который они наносят нации³³. А. Н. Радищев конкретизировал признак вреда, под которым он понимал худшее положение по сравнению с изначальным состоянием объекта противоправного посягательства как результат совершенного правонарушения³⁴. Более того, по мнению А. Н. Радищева, вред должен находиться в причинно-следственной связи с совершенным правонарушением. Далее Ч. Беккариа раскрывает цель наказаний.

Итальянский мыслитель был убежден в том, что применение наказания не может иметь своей целью истязание или мучение человека. Его цель может состоять только в том, чтобы воспрепятствовать дальнейшему совершению преступлений как со стороны виновного, так и со стороны иных лиц³⁵. Поэтому наказания должны быть не только соразмерны совершенному деянию, но и должны производить наибольший эффект на общество и при этом быть наименее мучительными для преступника. Как мы видим, Ч. Беккариа отстаивал гуманистические начала, которые находили свое выражение в общей и частной превенции, а также в незамедлительности применения наказания к правонарушителю.

Ч. Беккариа справедливо считал, что чем скорее наказание следует за преступлением, тем оно справедливее и полезнее, так как виновный не мучается ожиданием неизвестности и ощущением собственной слабости³⁶. Этот постулат имеет поистине этический характер. Общеизвестно, что на практике между вынесением приговора и его непосредственным исполнением нередко проходят годы, в течение которых в осужденном может произойти (и нередко происходит) душевный переворот

²⁹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 218—219.

³⁰ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 220.

³¹ См.: Покровский С. А. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. М., 1955. С. 127.

³² Радищев А. Н. Проект для разделения Уложения Российского // Полное собрание сочинений : в 3 т. М. — Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 3. С. 168.

³³ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 223—226.

³⁴ Радищев А. Н. Проект Гражданского уложения // Полное собрание сочинений : в 3 т. М. — Л., 1952. Т. 3. С. 188.

³⁵ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 243.

³⁶ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 281—282.

относительно его жизненных установок. Он преобразуется, становится другим человеком, лишенным преступных наклонностей. Таким образом, наказание применяется хотя и к тому же самому человеку, но уже к другой личности. Ч. Беккариа уделил важное внимание вопросу мягкости наказаний.

Одна из самых действенных мер, сдерживающая совершение преступлений, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности и умеренности³⁷. По мнению Ч. Беккариа, ужесточение наказаний приводит к нарушению принципа соразмерности между деянием и мерами ответственности, а также ведет к безнаказанности. Эти постулаты достаточно удачно сформулировал первый русский профессор права С. Е. Десницкий, который ратовал за смягчение наказаний, так как в противном случае люди начинают сочувствовать преступнику, что в конечном счете приводит к раздору между государственной властью и народом³⁸. Ч. Беккариа, формулируя лестницу наказаний, наибольшее внимание уделил смертной казни, критика которой занимает в его воззрениях весьма важное место.

Критикуя данный вид наказания, Ч. Беккариа писал: «Что это за право убивать себе подобных, присвоенное людьми? Оно, несомненно, не является тем правом, на котором основаны верховная власть и законы»³⁹. По его мнению, существует лишь две причины, по которым смерть гражданина может считаться необходимой. Речь идет об угрозе нации, а также о случаях, когда только смерть преступника может удержать других от совершения преступления.

Предшественники Ч. Беккариа также критиковали смертную казнь, но не выступали против нее так решительно. Ш. Монтескье, отстаивая достаточно умеренные взгляды, предлагал лишь ограничить применение этого наказания такими преступлениями, как убийство и покушение на него⁴⁰. Ж.-Ж. Руссо также достаточно

избирательно подошел к критике смертной казни, полагая, что нужно лишь ограничить применение этой меры наказания, так как распространенность ее на практике свидетельствует о слабости или бездействии правительства⁴¹. Не обошли своим вниманием этот вопрос и отечественные просветители второй половины XVIII в. С. Е. Десницкий ограничил применение смертной казни лишь составами государственной измены, посягательствами на общественный порядок и небрежным отношением к воинской службе⁴². В свою очередь, А. Н. Радищев специально оговаривал, что никто не вправе причинить смерть гражданину и только верховная власть правомочна применять смертную казнь для защиты общего блага⁴³.

Таким образом, Ч. Беккариа, резко критикуя применение смертной казни, считал необходимым ее применение не только для сохранности нации, но и для того, чтобы предупредить дальнейшее развитие противоправного поведения со стороны окружающих.

К вопросу смертной казни непосредственно примыкают пытки. Как известно, феодальное право рассматривало признание обвиняемого как неоспоримое подтверждение его вины, а пытку — как основной способ сбора доказательств по делу. Ч. Беккариа отстаивал презумпцию невиновности, утверждая, что никто не может быть признан преступником до вынесения обвинительного приговора⁴⁴. По его мнению, в случае доказанности преступления применение пыток теряет смысл, а если преступление еще не доказано, то пытать человека недопустимо. Следует отметить, что бескомпромиссная позиция Ч. Беккариа в вопросе применения пыток не разделялась даже выдающимися французскими просветителями. Так, Д. Дидро оправдывал применение пытки к преступнику, скрывающему имена своих сообщников⁴⁵.

Более близкой для презумпции невиновности Ч. Беккариа были постулаты российских просветителей. С. Е. Десницкий принципиаль-

³⁷ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 308—309.

³⁸ См.: Коркунов Н. М. С. Е. Десницкий — первый русский профессор права. Из Журнала Министерства юстиции. СПб., 1894. С. 26.

³⁹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 314—315.

⁴⁰ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 320.

⁴¹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 185.

⁴² Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. М., 1770. С. 19—20.

⁴³ Радищев А. Н. Опыт о законодательстве // Полное собрание сочинений. М. — Л., 1952. Т. 3. С. 13.

⁴⁴ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 260.

⁴⁵ См.: Решетников Ф. М. Указ. соч. С. 67.

но оговаривал, что наказание может быть применено лишь на основании приговора после публичного осуждения⁴⁶. А. Н. Радищев также категорично утверждал, что обвиняемый не лишается о себе доброго мнения, пока его вина не будет подтверждена соответствующим приговором законных судей⁴⁷.

Можно говорить о том, что гуманистические идеи Ч. Беккариа сохранились по сей день практически в неизменном виде.

Важное место Ч. Беккариа отводил такой мере пресечения, как взятие под стражу. Итальянский мыслитель считал заблуждением отдавать на усмотрение судьи, который должен лишь исполнять закон, решение вопроса о взятии гражданина под стражу или, напротив, об оставлении его деяния безнаказанным, несмотря на имеющиеся доказательства⁴⁸. Несомненной нравственной составляющей его доктрины следует признать тезис о том, что заключение лица под стражу должно предшествовать преступлению, однако только закон устанавливает условия, оправдывающие задержание, допрос и наказание. Более четко в контексте обеспечения прав подозреваемого (обвиняемого) эту мысль сформулировал А. Н. Радищев, который полагал, что заключенный под стражу в течение трех дней не допрашивается в совестном суде⁴⁹. Ч. Беккариа не ограничился пониманием наказания лишь как лишением жизни или свободы. Важное место он отводил общественному порицанию как реакции социума на совершенное преступление.

Отмечая существование посягательств против личности и имущества, Ч. Беккариа утверждал, что первые должны караться бесчестьем, т.е. знаком общественного порицания, лишаящего виновного уважения⁵⁰. Мыслитель специально оговаривает, что бесчестье не зависит от произвола закона и коренится в общечеловеческой нравственности. В этом вопросе Ч. Беккариа идет дальше и формулирует посту-

лат, который явно противоречил реалиям общественно-политической жизни феодального общества. По его убеждению, ни знатный, ни богатый человек не должны иметь возможность откупиться от наказания, а дворянин должен нести такое же наказание за совершенное преступление, какое несет и самый последний гражданин⁵¹. Таким образом, постулируется равенство всех перед законом и судом.

Помимо посягательств против личности и наказаний, ущемляющих свободу, Ч. Беккариа уделил внимание и охране собственности посредством закрепления мер ответственности имущественного характера. В этом смысле следует провести недвусмысленную параллель с позицией С. Е. Десницкого, который, развивая антифеодальные и прогрессивные для того времени взгляды, во главу угла ставил охрану личности и собственности⁵². Ч. Беккариа специально оговаривает меры ответственности за хищение чужого имущества в зависимости от способа совершения преступления. По его мнению, кража, совершенная без насилия, должна наказываться денежной пеней, так как желающий неправомерно обогатиться должен понести ущерб в своем собственном имуществе⁵³. Однако кража является актом нищеты и отчаяния, ввиду чего денежные наказания тяжким бременем ложатся на многих людей. Ввиду этого обстоятельства Ч. Беккариа полагал, что единственным справедливым наказанием в такой ситуации является передача личности преступника и его рабочей силы в исключительное распоряжение всего общества⁵⁴. Вряд ли можно согласиться с тем, что хищение чужого имущества всегда совершается лишь отчаявшимися людьми. Вместе с тем необходимость избавить невиновных людей от обязанности подвергаться денежным наказаниям сомнения не вызывает.

Ч. Беккариа отмечал, что в тех случаях, когда кража сопряжена с насилием, передачи пре-

⁴⁶ Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. СПб., 1905. С. 15.

⁴⁷ Грамота российскому народу (см.: Семенников В. П. Радищев. М. — Петроград, 1923. С. 186.).

⁴⁸ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 333—334.

⁴⁹ Радищев А. Н. Опыт о законодательстве. С. 13.

⁵⁰ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 294.

⁵¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 287—289.

⁵² См.: Балабанова Н. А. Государственно-правовые воззрения С. Е. Десницкого : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 96.

⁵³ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 292.

⁵⁴ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 292—293.

ступника в исключительное пользование общества уже недостаточно. Рабство должно быть соединено с телесным наказанием⁵⁵. Ученый не раскрыл видовой состав хищения и не сформулировал соответствующей терминологии. Однако следует согласиться с тем, что способ совершения хищения должен непосредственно влиять на назначаемую преступнику меру ответственности.

Ч. Беккариа упоминает о таком достаточно архаичном виде наказания, как изгнание, которое необходимо применять к лицам, которые возмущают общественное спокойствие и не повинуются законам⁵⁶. Совершенно очевидно, что, изгоняя того или иного человека, общество должно решить, как поступить с его имуществом. Ч. Беккариа полагал, что преступник утрачивает свое имущество лишь в случаях, когда налагаемое наказание уничтожает все возможные связи между ним и обществом⁵⁷. Признавая такое развитие событий вполне естественным, мыслитель выступает против такой меры ответственности, как конфискация имущества.

По справедливому утверждению Ч. Беккариа, конфискация создает ситуации, при которых неимущие невиновные лица, наряду с преступниками, вынуждены претерпевать наказания, что доводит их до отчаяния и необходимости совершать преступления⁵⁸. Следует согласиться с тем, что безнравственно лишать средств к существованию родственников преступника, которые ни в чем не повинны. Наказание должно распространять свое действие только непосредственно на лицо, признанное виновным в совершении преступления, и не ущемлять интересы третьих лиц.

Как известно, характерной чертой феодального общества был не только инквизиционный судебный процесс, но и назначение награды за голову преступника. При таких условиях каждый гражданин при определенных условиях мог выступать в качестве палача. Ч. Беккариа полагал, что суверен, подстрекая граждан к совершению преступления и навлекая на них на-

казание, по сути, демонстрирует собственную слабость⁵⁹. Кроме того, Ч. Беккариа считал, что подобные дозволения верховной власти искажают представления общества о нравственности и добродетели. Попытка гражданина покарать преступника сама образует преступление.

Как уже отмечалось, Ч. Беккариа выстраивал иерархическую лестницу наказаний. Этот подход он использовал и для классификации преступлений. Признавая вред единственным мерилом преступного деяния, мыслитель писал: «Всякое преступление, хотя и направленное против частных лиц, приносит вред обществу, но не всякое преступление направлено непосредственно на разрушение общества»⁶⁰.

Среди преступлений, разрушающих непосредственно само общество или вызывающих гибель его представителей, Ч. Беккариа особенно выделял посягательства на общественное спокойствие. Признавая за полицией обязанность по обеспечению порядка в обществе, Ч. Беккариа отмечает необходимость руководствоваться при осуществлении этой деятельности законами, так как каждый гражданин должен знать, когда он виновен, а когда невиновен⁶¹.

В этом контексте принципиально важным представляется вопрос о мере ответственности за преступления против общественного спокойствия. Феодальное законодательство, как правило, предусматривало в таких случаях смертную казнь. Ч. Беккариа, не сформулировав прямого ответа, предложил поистине нравственный подход к решению этого вопроса. По его мнению, в подобных случаях необходимо руководствоваться соображениями общего блага, не причиняя при этом страданий преступнику⁶².

Ч. Беккариа не предложил подробного видового состава посягательств против порядка управления. Тем не менее он упоминает также о контрабанде, которая, несомненно, наносит вред суверену и нации, однако не влечет за собой бесчестья. По мнению мыслителя, это преступление порождается самим законом,

⁵⁵ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 293.

⁵⁶ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 297.

⁵⁷ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 300.

⁵⁸ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 301.

⁵⁹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 375.

⁶⁰ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 229.

⁶¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 240.

⁶² Беккариа Ч. Указ. соч. С. 242.

так как увеличение пошлины неизменно вызывает соблазн уклониться от ее уплаты. Наиболее целесообразным наказанием Ч. Беккариа считает конфискацию запрещенного товара и всего провозимого вместе с ним⁶³. Вместе с тем Ч. Беккариа считал необходимым использовать дифференцированный подход к определению меры ответственности за контрабанду. В частности, если это преступление наиболее существенным образом затрагивает систему государственных податей, то влечет за собой самое суровое наказание, вплоть до тюрьмы или даже рабства⁶⁴. Однако, выражая нравственные начала исполнения наказания, Ч. Беккариа отмечал, что эти меры должны соответствовать природе самого преступления. Например, контрабандист, отбывающий тюремное заключение, не должен содержаться вместе с убийцами или разбойниками.

Среди объектов посягательств против интересов частных лиц Ч. Беккариа, помимо собственности, выделял честь человека. По его мнению, в условиях анархии законов частные поединки выступали средством достижения уважения со стороны окружающих⁶⁵. Вместе с тем поединки как проявление общественной нравственности были распространены лишь среди представителей высших слоев общества, т.е. людей чести. «Человек чести знает, что, лишаясь уважения других, он будет обречен на совершенное одиночество <...> или же станет мишенью для насмешек и оскорблений, повторение которых пересилит страх перед наказанием»⁶⁶, — категорично заявляет Ч. Беккариа. Лучшим средством предупреждения этого преступления, по убеждению мыслителя, служит наказание зачинщика и оправдание его оппонента.

Идею защиты чести человека Ч. Беккариа продолжает в ответе на вопрос, подлежит ли наказанию самоубийство. Представляется, что

недопустимость лишать себя жизни была продиктована общественной нравственностью феодализма, с точки зрения которого ценность человеческой жизни рассматривалась сквозь призму необходимости вести войны, развивать промышленность, заниматься сельским хозяйством и т.д. Ч. Беккариа справедливо отмечает невозможность применения наказания в собственном смысле к холодному и бесчувственному телу⁶⁷. «...Закон, превращающий страну в тюрьму для подданных, бесполезен и несправедлив. Таким же будет поэтому и наказание за самоубийство», — формулирует собственно нравственное объяснение Ч. Беккариа⁶⁸. Таким образом, речь идет о поступке, караемом только богом, но не о преступлении перед людьми. Кроме того, светское наказание в таких случаях обращено не к самому виновному, а к его семье.

Выстроив соответствующим образом иерархическую лестницу преступлений и наказаний, Ч. Беккариа не мог не задаться вопросом предупреждения преступлений. Главной целью любого хорошего законодательства он считал предупреждение преступлений, а не закрепление наказаний за их совершение⁶⁹. Ясность и простота законов, а также их обращенность к интересам человека, а не сословия побуждает общество их соблюдать, а не разрушать.

Таким образом, Ч. Беккариа предложил истинный нравственный подход к определению перечня преступлений и наказаний, основаниям и условиям их применения. Характерной чертой его доктрины следует признать органичное сочетание охраны общего блага, а также имущественных и личностных интересов частных лиц, неприемлемость субъективистского подхода к вопросам применения наказаний. Многие его выводы по сей день представляют собой общечеловеческие ценности и ориентир развития для любого цивилизованного общества.

⁶³ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 364—365.

⁶⁴ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 366—367.

⁶⁵ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 236.

⁶⁶ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 237.

⁶⁷ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 354—355.

⁶⁸ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 362.

⁶⁹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 393.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев В. П., Першиц А. И.* История первобытного общества : учебник для вузов по специальности «История». — М., 1990. — 351 с.
2. *Артемов В. М.* Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия в человеческом измерении // Нравственное измерение и человеческий потенциал права : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов. — М., 2017. — С. 15—23.
3. *Байтин М. И.* Сущность права : Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. — Саратов, 2001. — 416 с.
4. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / биогр. очерк и пер. книги Беккариа «О преступлениях и наказаниях» проф. М. М. Исаева. — М., 1939. — 464 с.
5. *Балабанова Н. А.* Государственно-правовые воззрения С. Е. Десницкого : дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2006. — 148 с.
6. *Гегель.* Сочинения. — М. — Л., 1934. — 341 с. — Т. 7.
7. *Гельвеций К.* О человеке, его умственных способностях и его воспитании. — М., 1938. — 486 с.
8. *Гольбах П.* Система природы или о законах мира физического и мира духовного. — М., 1940. — 456 с.
9. *Гусейнов А. А.* Мораль и право: характер связи // Нравственное измерение и человеческий потенциал права : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов. — М., 2017. — С. 9—14.
10. *Десницкий С. Е.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. — СПб., 1905. — 45 с.
11. *Десницкий С. Е.* Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. — М., 1770. — 26 с.
12. *Исаев М. М.* Чезаре Беккариа (историко-биографический очерк) // Проблемы социалистического права. — 1938. — № 3. — С. 102—146.
13. *Кант И.* Метафизика нравов // Сочинения : в 6 т. — М., 1998. — 478 с. — Т. 4 (2).
14. *Коркунов Н. М. С. Е. Десницкий* — первый русский профессор права. Из Журнала Министерства юстиции. — СПб., 1894. — 31 с.
15. *Маньковский Б.* Чезаре Беккариа и наука уголовного права // Советское государство. — 1938. — № 4. — С. 102—111.
16. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. — М., 1955. — 800 с.
17. *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. — М., 1989. — 250 с.
18. *Мушников А.* Основные понятия о нравственности, праве и общежитии. Курс законоведения для кадетских корпусов. — Изд. 2-е, испр. — СПб., 1894. — 144 с.
19. *Новгородцев П. И.* Право и нравственность // Правоведение. — 1995. — № 6. — С. 103—113.
20. *Ошерович Б.* Уголовно-правовые воззрения Беккариа // Проблемы социалистического права. — 1938. — Сб. 3. — С. 73—102.
21. *Ошерович Б.* Чезаре Беккариа // Советское государство. — 1938. — № 4. — С. 93—102.
22. *Покровский С. А.* Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. — М., 1955. — 167 с.
23. *Радищев А. Н.* Опыт о законодательстве // Полное собрание сочинений. — М. — Л., 1952. — Т. 3. — С. 5—27.
24. *Радищев А. Н.* Проект Гражданского уложения // Полное собрание сочинений : в 3 т. — М. — Л., 1952. — Т. 3. — С. 171—245.
25. *Радищев А. Н.* Проект для разделения Уложения российского // Полное собрание сочинений : в 3 т. — М. — Л., 1952. — Т. 3. — С. 166—170.
26. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. — М., 1969. — 704 с.
27. *Решетников Ф. М.* Беккариа. — М., 1987. — 128 с.
28. *Семенников В. П.* Радищев. — М. — Петроград, 1923. — 461 с.
29. *Соловьев В. С.* Оправдание Добра. — Изд. 2-е, доп. и испр. — М., 1899. — 615 с.
30. *Thomasius Ch.* Essays on Church, State, and Politics. — Indianapolis : Liberty Fund, 2007. — 386 p.
31. *Цыбулевская О. И.* Нравственные основания современного российского права / под ред. Н. И. Матузова. — Саратов, 2004. — 220 с.
32. *Шитов А. Н.* Моральные основания права : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1996. — 183 с.
33. *Щеглов В.* Нравственность и право в их взаимных отношениях. — Ярославль, 1888. — 129 с.

Материал поступил в редакцию 7 августа 2019 г.

REFERENCES

1. Alekseyev VP, Pershits AI. *Istoriya pervobytnogo obshchestva: uchebnik dlya vuzov po spetsialnosti «Istoriya» [The history of primitive society: a textbook for universities specializing in "History"]*. Moscow; 1990. (In Russ.)
2. Artemov VM. *Nravstvennost i pravo: realnost i perspektivy vzaimodeystviya v chelovecheskom izmerenii [Morals and law: reality and prospects of interaction in the human dimension]*. In: Artemov VM, editor. *Nravstvennoe izmerenie i chelovecheskiy potentsial prava: sbornik nauchnykh trudov [Moral dimension and human potential of law: collection of scientific papers]*. Moscow; 2017. p.15-23. (In Russ.)
3. Baytin MI. *Sushchnost prava: sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov [The essence of law: Modern normative legal understanding on the verge of two centuries]*. Saratov; 2001. (In Russ.)
4. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh [On crimes and punishments]*. In: Isaev MM. *Biogr. ocherk i per. knigi Bekkaria «O prestupleniyakh i nakazaniyakh» [Biogr. essay and translation of Beccaria's book "On crimes and punishments"]*. Moscow; 1939. (In Russ.)
5. Balabanova NA. *Gosudarstvenno-pravovye vozzreniya S.E. Desnitskogo: dis. ... kand. yurid. nauk. [State legal views of S.E. Desnitskiy: Cand. Sci. (Law) Thesis]*. Vladimir; 2006. (In Russ.)
6. Hegel. *Sochineniya [Works]*. Vol. 7. Moscow, Leningrad; 1934. (In Russ.)
7. Helvetius K. *O cheloveke, ego umstvennykh sposobnostyakh i ego vospitanii [On a man, their mental abilities and their upbringing]*. Moscow; 1938. (In Russ.)
8. Holbach P. *Sistema prirody ili o zakonakh mira fizicheskogo i mira dukhovnogo [System of nature or on the laws of the physical world and the spiritual world]*. Moscow; 1940. (In Russ.)
9. Guseynov AA. *Moral i pravo: kharakter svyazi [Morals and law: the nature of relationship]*. In: Artemov VM, editor. *Nravstvennoe izmerenie i chelovecheskiy potentsial prava: sbornik nauchnykh trudov [Moral dimension and human potential of law: collection of scientific papers]*. Moscow; 2017. p.9-14. (In Russ.)
10. Desnitskiy SE. *Predstavlenie o uchrezhdenii zakonodatelnoy, suditelnoy i nakazatelnoy vlasti v rossiyskoy imperii [Representation of the establishment of legislative, judicial and punitive power in the Russian Empire]*. St. Petersburg; 1905. (In Russ.)
11. Desnitskiy SE. *Slovo o prichinakh smertnykh kazney po delam kriminalnym [A word about the reasons for capital punishment in criminal cases]*. Moscow; 1770. (In Russ.)
12. Isaev MM. *Cezare Bekkaria (istoriko-biograficheskiy ocherk) [Cesare Beccaria (historical and biographical essay)]*. *Problemy sotsialisticheskogo prava*. 1938;3:102-46. (In Russ.)
13. Kant I. *Metafizika нравов [Metaphysics of morals]*. Sochineniya: v 6 t. [Works in 6 vols.]. Vol. 4(2). Moscow; 1998. (In Russ.)
14. Korkunov NM. *S.E. Desnitskiy — pervyy russkiy professor prava [S.E. Desnitskiy — the first Russian Professor of law]*. *Iz Zhurnala Ministerstva yustitsii*. St. Petersburg, 1894. (In Russ.)
15. Mankovskiy B. *Cezare Bekkaria i nauka ugovnogo prava [Cesare Beccaria and the science of criminal law]*. *Sovetskoe gosudarstvo*. 1938;4:102-111. (In Russ.)
16. Montesquieu Sh. *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Moscow; 1955. (In Russ.)
17. Muromtsev SA. *Opreделение i osnovnoe razdelenie prava [Definition and main division of law]*. Moscow; 1989. (In Russ.)
18. Mushnikov A. *Osnovnye ponyatiya o нравственности, праве i obshchezhitii. Kurs zakonovedeniya dlya kadetskikh korpusov [Basic concepts of morality, law, and community. The course of jurisprudence for the cadet corps]*. 2nd ed., rev. St. Petersburg; 1894. (In Russ.)
19. Novgorodtsev PI. *Pravo i нравственность [Law and morality]*. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 1995;6:103—113.
20. Osherovich B. *Ugolovno-pravovye vozzreniya Bekkaria [Criminal-legal views of Beccaria]*. *Problemy sotsialisticheskogo prava*. 1938;3:73-102. (In Russ.)
21. Osherovich B. *Cezare Bekkaria [Cesare Beccaria]*. *Sovetskoe gosudarstvo*. 1938;4:93-102. (In Russ.)
22. Pokrovskiy SA. *Politicheskie i pravovye vzglyady S.E. Desnitskogo [Political and legal views of S.E. Desnitskiy]*. Moscow; 1955. (In Russ.)
23. Radishchev AN. *Opyt o zakonodavstve [Experience of law-making]*. In: *Polnoe sobranie sochineniy [Complete collection of works]*. Moscow — Leningrad. 1952;3:5-27. (In Russ.)
24. Radishchev AN. *Proekt grazhdanskogo ulozheniya [Draft Civil code]*. In: *Polnoe sobranie sochineniy [Complete collection of works]*. Moscow — Leningrad. 1952;3:171-245. (In Russ.)

25. Radishchev AN. Proekt dlya razdeleniya ulozheniya rossiyskogo [Project for the division of the Russian legal order]. In: *Polnoe sobranie sochineniy [Complete collection of works]*. Moscow — Leningrad.1952;3:166-70. (In Russ.)
26. Rousseau J.-J. *Traktaty [Treatises]*. Moscow; 1969. (In Russ.)
27. Reshetnikov FM. *Bekkaria [Beccaria]*. Moscow; 1987. (In Russ.)
28. Semennikov VP. *Radishchev [Radishchev]*. Moscow-Petrograd. (In Russ.)
29. Solovev VS. *Opravdanie dobra [The justification of the good]*. 2nd ed., suppl. and rev. Moscow; 1899. (In Russ.)
30. Thomasius Ch. *Essays on Church, State, and Politics*. Indianapolis: Liberty Fund; 2007. (In Eng.)
31. Tsybulevskaya OI. *Nravstvennye osnovaniya sovremennogo rossiyskogo prava [Moral basis of modern Russian law]*. Matuzov I, editor. Saratov; 2004. (In Russ.)
32. Shitov AN. *Moralnye osnovaniya prava: dis. ... kand. yurid. nauk [The moral foundations of law: Cand. Sci. (Law) Thesis]*. Moscow; 1996. (In Russ.)
33. Scheglov V. *Nravstvennost i pravo v ikh vzaimnykh otnosheniyakh [Morality and law in their mutual relations]*. Yaroslavl; 1888. (In Russ.)